

О.М. Шевченко

**КСЕНОФОБИЯ КАК ФАКТОР УГРОЗЫ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ГОСУДАРСТВ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СТАБИЛЬНОСТИ В ЧЕРНОМОРСКО-
КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ¹**

Шевченко Ольга Михайловна – кандидат философских наук, доцент Института социологии и регионоведения ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, e-mail: olgashv2007@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию ксенофобии как фактору угрозы национальной безопасности стран и политической стабильности в Черноморско-Каспийском регионе. По мнению автора, актуализация различных видов ксенофобии в Черноморско-Каспийском регионе обусловлена как внутренними противоречиями социального развития входящих в него стран, так и геополитическими интересами ряда стран Ближнего Востока и США.

Ключевые слова: ксенофобия, национальная безопасность, Черноморско-Каспийский регион, исламофобия, сепаратизм, национализм, религиозный фанатизм.

Реалии современного мира демонстрируют две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, предпринимаются попытки по созданию единого мирового сообщества, интенсифицируются интеграционные процессы, с другой – в мире нарастают дезинтеграция и хаос. Данные тенденции затрагивают практически все регионы мира, включая и Черноморско-Каспийский.

Страны, входящие в Черноморско-Каспийский регион, отличаются как размерами территории, численностью и этническим составом

¹ Статья выполнена в рамках внутреннего гранта ЮФУ № 213.01-07-2014/15ПЧВГ «Угрозы национальной безопасности в условиях геополитической конкуренции и модели агрессивного и враждебного поведения молодежи».

населения, так и самобытностью культуры, значимое место в которой сегодня занимает религиозный фактор.

Современные проблемы Черноморско-Каспийского региона обусловлены как внутренними противоречиями социального развития входящих в него стран, так и геополитическими интересами ряда стран Ближнего Востока и США. Их закономерным следствием становится актуализация ксенофобии, выполняющей в данном регионе как защитную, так и манипулятивную функции.

В научной литературе ксенофобия рассматривается как достаточно сложное и противоречивое явление: с одной стороны, она выступает одной из форм социально-психологической защиты индивида и группы в непредсказуемом и опасном мире, а с другой – является элементом политической технологии, конструирующей тот или иной образ чужого для достижения конкретных целей [14].

Ксенофобия в Черноморско-Каспийском регионе имеет внешнюю и внутреннюю направленность, связанную с местонахождением ее объектов. Г. Айзерман правомерно выделил два основных вектора направленности ксенофобии: шовинизм, адресованный против другого государства, и диаспорофобию, нацеленную против национальных меньшинств внутри страны. И шовинизм, и диаспорофобия, по мнению немецкого социолога, связаны с потребностью сохранения национального достоинства, экономического развития и социального обеспечения коренного населения и направлены, прежде всего, против чужаков [11].

Внешняя ксенофобия чаще всего находит отражение в государственной идеологии, стремящейся утвердить статусность, суверенность своего государства или своего народа любым способом, в том числе насильственным, например, путем завоевания или подчинения себе чужой территории. Внутренняя ксенофобия выражается не только в диаспорофобии, но и в мигрантофобии, которая чаще всего обусловлена социально-экономическими проблемами в обществе. К внутренней ксенофобии также можно отнести негативное отношение самих мигрантов или их потомков к коренному населению [5].

Основными проявлениями внешней ксенофобии в Черноморско-Каспийском регионе являются американофобия, русофобия и исламофобия.

Изучению различных аспектов современной американофобии посвящены работы В. Байнева, В. Винника, З. Видовича, О. Шевченко и др. [3]. По мнению данных авторов, американофобия отражает современные негативные установки в отношении политической и экономической си-

стемы США, ценностно-мировоззренческих и духовно-нравственных установок американской нации, т. е. неприятие Соединенных Штатов как национального государства и его культурных основ.

Причина формирования подобных стереотипов общественного сознания связана с направленностью интересов США на основные мировые регионы [5, 4], в том числе и на Черноморско-Каспийский регион. Америка выделяет враждебные государства и преследует их, используя широкий диапазон средств: применение военной силы с целью свержения законной власти и её замены прозападным режимом (Ирак), экономические санкции для ослабления глобального и регионального влияния (Россия), политическое и экономическое давление с целью сворачивания национальной ядерной программы (Иран).

В стремлении к мировому господству США навязывают другим государствам свои правила игры, пытаются устранить с политической арены неудобные государства, нарушают баланс интересов. Все это, естественно, вызывает решительное противодействие. Пытаясь превратить США в своего рода вторую Римскую империю, ее лидеры делят народы и государства на «друзей Рима» и «врагов Рима» (т. е. Вашингтона. – *О.Ш.*), используя двойные стандарты в отношении своих и чужих.

С. Хантингтон обращает внимание на дискретность декларируемых принципов в политике Запада и их практического воплощения. США лицемерят, используя в политической деятельности двойную мораль: «...да, демократию следует развивать, но нет, не следует, если это приводит к власти исламских фундаменталистов; да, нераспространение ядерного оружия очень правильная вещь, если речь идет об Ираке и Иране, но нет, когда речь доходит до Израиля... агрессия против богатых нефтью кувейтцев должна получить отпор, но совсем иное дело, если речь идет об агрессии против боснийцев, нефтью, увы, не владеющих...» [13, с. 151].

Под предлогом распространения «демократии» и «прав человека» США военными методами реконструируют политическую карту Ближнего Востока, ряд государств которого входят в Черноморско-Каспийский регион. По мнению специалиста по исламу Г. Фуллера, политика США в исламском мире сфокусирована не на распространении демократии, а преследует прежде всего собственные цели: обеспечение бесперебойных поставок энергоносителей из региона, безопасность Израиля, нераспространение оружия массового уничтожения, борьба с терроризмом, предотвращение возникновения любого регионального гегемона [1, р. 213].

Осуществление такой политики неизбежно ведет к созданию нового поля политико-идеологического напряжения. Вызовы, брошенные США остальному миру, ведут к возникновению многообразных по своим формам «ответов».

Односторонний и агрессивный характер политики Соединенных Штатов провоцирует создание оппозиционных движений, идеология которых опирается исключительно на американофобию, активно конструирует «образ врага» в лице США. В связи с этим правомерно рассматривать сегодняшнюю американофобию (в частности, на политическом уровне) как реакцию, прежде всего, на имперское высокомерие сверхдержавы, весьма вольно относящейся к нормам международного права. Политика гегемонии США закономерно вызывает тревогу крупных региональных держав (России, Китая, Индии и др.), ряда европейских государств, сопротивление многих стран третьего мира.

В условиях однополярного мира международная структура безопасности представляет, по сути, совокупность союзов и блоков, прямо или косвенно руководимых США. Полагаясь на свою военную мощь и наличие союзников, Соединенные Штаты убеждены, что могут использовать свои вооруженные силы для целей принуждения практически безнаказанно и без риска возмездия со стороны других государств [12]. Тем не менее американское военное давление на другие страны, их насильственная демократизация по западному сценарию вызывают серьезное противодействие, способствуют появлению у США новых врагов. Несмотря на имеющийся потенциал, США все-таки неспособны насильственно изменить цивилизационные особенности стран и регионов, а потому американские геополитические притязания вызывают контртенденцию. Так, в Черноморско-Каспийском регионе формируется новый центр евразийского регионализма, главными политическими субъектами которого выступают Россия, Турция и Иран.

Таким образом, тенденции мирового развития, во многом обусловленные геополитической стратегией США, приводят к появлению американофобии как специфического способа защиты государствами своих национальных интересов.

Наряду с американофобией достаточно устойчивым видом ксенофобии в отдельных странах Черноморско-Каспийского региона становится русофобия.

В основе актуализации современной русофобии и русофобского дискурса лежат, во-первых, гегемонизм США; во-вторых, стратегии решения сырьевой проблемы глобальным центром (странами «золото-

го миллиарда») за счет военного/невоенного захвата ресурсов периферийных стран; в-третьих, продолжающимся процессом строительства национальных государств на постсоветском пространстве (Грузия, Украина) и формированием их национальной идентичности.

Конструируя «образ врага», западные массмедиа опираются на различные стереотипные представления, связанные с Россией. Россию обвиняют не только в совершении кровавых преступлений в прошлом и настоящем, но и приписывают вынашивание злобных планов на будущее. Главная задача западных средств массовой информации заключается в том, чтобы убедить мировое сообщество в возрождении у России имперских амбиций, ее нацеленности на захват чужих территорий и возможной военной угрозы с ее стороны для стран новой объединенной Европы, прежде всего прибалтийских государств.

Стратегической целью информационного противоборства, активно использующего русофобию, являются вытеснение России с мировой политической арены и внесение ее в список так называемых государств-изгоев, дегуманизация и демонизация образа России в общественном сознании.

Особенно активно русофобия как инструмент начинает использоваться там, где интересы США сталкиваются с интересами других государств. Так, Грузия, входящая в состав Черноморско-Каспийского региона, после распада Советского Союза стала ареной борьбы между континентальными и атлантическими силами. Экономическое и политическое ослабление России в конце XX в. привело к тому, что Грузия, стремясь отмежеваться от общего политического и культурно-исторического прошлого, заняла жесткую антироссийскую позицию. Подобное развитие событий было обусловлено как влиянием США, поставившими государство под свой контроль, так и развитием грузинского национализма, связанного со стремлением создать собственное национальное государство. Приход к власти в Грузии проамериканских политиков и политическое конструирование грузинской нации сопровождалось агрессивной русофобией.

Сегодня Грузия последовательно реализует курс на евроинтеграцию и вступление в НАТО. Новым шагом является попытка оборонной кооперации на региональном уровне, включающем, помимо Грузии, Азербайджан и Турцию, уже связанную с Североатлантическим военным альянсом. При этом каждая из сторон видит в создании подобного союза свои плюсы: Грузия – защиту от «российской угрозы», Азербайджан – изоляцию Армении от России в случае обострения конфликта в

Нагорном Карабахе, Турция – закрепление своего влияния в Закавказье, ранее полностью принадлежавшем России.

На Северном Кавказе осуществляется целый ряд антироссийских геополитических проектов, среди которых эксперты выделяют три наиболее опасных для национальной и региональной безопасности России: западный (прежде всего, американский), арабо-исламистский (ваххабитский) и туранский (турецкий) [6]. Ведущим выступает западный проект, а два других, несмотря на относительную автономность, активно поддерживаются США и их союзниками. В результате в регионе постоянно подогреваются сепаратизм, национализм, религиозный фанатизм, подолгу сохраняются очаги напряженности, связанные с взаимными территориальными претензиями. Особенно активно в последние полтора десятилетия здесь эксплуатируется религиозно-этнический фактор.

Разжиганию русофобских настроений способствует затяжной политический кризис в современной Украине. Россию обвиняют в аннексии Крыма и военно-экономической помощи сепаратистски настроенным жителям Донбасса, т.е. фактически в развале государства и попытках отделения от Украины юго-востока страны. По нашему мнению, русофобия на Украине отчасти провоцируется как западным, так и местным политическим истеблишментом, отчасти является следствием исторически сложившейся культурной и религиозной разнообразности населения страны: украиноязычного униатского и католического запада и русскоязычного православного востока.

С осени 2013 г. в связи с украинским кризисом, а затем новой фазой антитеррористической кампании на Ближнем Востоке с военным участием России ситуация с русофобией в Черноморско-Каспийском регионе значительно обострилась.

Помимо русофобии, в Черноморско-Каспийском регионе наблюдается рост исламофобии, связанный в настоящее время с активизацией деятельности террористической организации «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ).

Важно отметить, что современная исламофобия приобретает специфические черты в зависимости от того, какими идеологическими установками руководствуется аналитик.

Радикальный взгляд на исламскую угрозу в основном характерен для либералов, отождествляющих себя с так называемыми западниками. Для них ислам – это воплощение взбунтовавшейся архаики, варварство, которое напало на цивилизованный западный мир и его систему ценностей. Развитие либерализма воспринимается западниками

как борьба с отсталостью, варварством, т.е. как борьба с «анти-западом» [11, с. 21]. Роль последнего до недавнего времени выполнял коммунизм, а в настоящее время – ислам.

Консервативная позиция в отношении ислама сводится к тому, что, во-первых, ислам не рассматривается как самостоятельная угроза безопасности региона, а выступает производной от других угроз. Во-вторых, ислам воспринимается не как целостная религиозная система, а как совокупность различных течений. В нем чаще всего выделяют два разных ислама – традиционный ислам и ваххабизм [11, с. 22]. В рамках консервативной позиции ислам в целом не рассматривается в качестве врага: «хорошие» мусульмане отделяются от «плохих», поэтому исламобофский характер этих рассуждений на первый взгляд совсем неочевиден. Однако до сих пор не сформулированы четкие критерии, с помощью которых можно отличить «хороший» ислам от «плохого». Любая попытка создать такие критерии неизбежно затронет его фундаментальные основы.

Современная исламофобия, по нашему мнению, носит в основном политически конъюнктурный характер: она активизируется в риторике политических деятелей, когда они обращаются к Западу, апеллируя к тем кругам, которые напуганы «международным терроризмом» или которые «...используют жупел “исламской угрозы” в своих политических интересах» [11, с. 25].

Свою роль в актуализации исламофобии играют мировые и региональные СМИ. В прессе и на телеэкране реальные трудности в отношениях с мусульманским миром стали быстро трансформироваться в пугающий массмедийный продукт, вследствие чего исламский фактор гиперболизировался. В общественном сознании возникло представление об исламской, а не исламистской угрозе, которая действительно существует.

Различие между этими двумя понятиями стало осознаваться совсем недавно. Ислам, как и любая другая религия, сам по себе не несет угрозы миру и обществу: «...угроза... возникает лишь тогда, когда ислам перестает быть религией и начинает использоваться в качестве политической идеологии, которая предназначена для захвата власти в отдельных странах, регионах или в планетарном масштабе во имя создания будущего Всемирного халифата» [10, с. 119]. Подтверждением этому является деятельность уже упомянутой группировки ИГИЛ, в состав которой входят приверженцы не только радикального салафитского (ваххабитского), но и традиционного ислама, а также баасисты, в принципе выступающие за строительство светского государства [7,

с.50]. Тем не менее деятельность группировки носит разрушительный характер, ставит под вопрос сложившиеся политические, экономические социальные и культурные основы существования региона, поскольку детерминирована воинствующим исламизмом.

Завершая рассмотрение исламофобии в Черноморско-Каспийском регионе, хотелось бы заметить: страны, входящие в его состав, никогда не были гомогенными в религиозном отношении. Более того, население даже одной страны редко было приверженцем какой-либо одной религии. Поэтому стремление некоторых политических деятелей сформировать «образ врага» в лице исламского мира как такового, а не радикальной исламистской идеологии, способствует дезинтеграции стран Черноморско-Каспийского региона, обладающих различной религиозной идентичностью.

Наряду с внешней ксенофобией, направленной на другие государства и регионы, в странах Черноморско-Каспийского региона имеют место и различные виды внутренней ксенофобии (этнические, религиозные, смешанные).

Появление внутренней ксенофобии обусловлено совокупностью социально-психологических, экономических, политических и собственно социальных факторов, сложившихся в обществе.

Социально-психологические факторы, лежащие в основе ксенофобии, связаны, прежде всего, с потребностью индивида в групповой идентификации и межгрупповом сравнении; с ощущением опасности извне, которая представлена не только силами природы, но и присутствием в мире других сообществ; с состояниями фрустрации и депривации, сопровождаемыми эмоциями страха, презрения, гнева, отвращения, зависти. По сути, эти социально-психологические факторы формирования ксенофобии представляют собой совокупность тяжелых социальных условий и негативных психологических переживаний, отражающих состояние страха, испытываемого группой, перед реальными или потенциальными угрозами, а также чувство неудовлетворенности социальной группы сложившейся ситуацией.

Социально-психологические факторы внутренней ксенофобии являются производными от экономических, политических и социальных условий, сформировавшихся в обществе.

К экономическим факторам, порождающим внутреннюю ксенофобию, можно отнести, прежде всего, конкуренцию за природные ресурсы, которые, к сожалению, имеют ограниченный характер, а также стремление к обладанию какими-либо материальными благами. Экономические факторы в свою очередь тесно связаны с политическими и

социальными. В качестве политического фактора формирования внутренней ксенофобии можно выделить борьбу за политическую власть и определенные преференции, которые она дает, например, возможность обеспечить групповую безопасность, статусные позиции или доступ к материальным благам.

Социальным фактором формирования внутренней ксенофобии является наличие в обществе этносоциальной стратификации, в результате которой этнические группы оказываются на разных ступенях социальной лестницы именно в силу своей этнической принадлежности и т. д. [13].

На наш взгляд, оборотной стороной актуализации и даже гипертрофизации проблемы идентичности становится внутренняя ксенофобия. Поскольку наибольшую актуальность в ряде стран Черноморско-Каспийского региона имеют этническая и религиозная идентичности, её рост и смешение неизбежно сопровождаются проявлением различного рода этнонациональных и этнорелигиозных фобий. Примером устойчивой внутренней этнонациональной фобии являются турецко-курдские отношения.

По мнению исследователей, причиной обострения данной проблемы внутри Турции является курдский этнонационализм, прогрессирующий отчасти из-за гонений и давления на курдов со стороны государства. Основой различных форм дискриминации и притеснений курдов выступает представление, что курды – это «чужие». Диапазон представлений об их инаковости достаточно широк: от представлений, согласно которым курды – это «турки, утратившие собственную культурную идентичность» [8, с. 99], до их исключения из турецкой нации. Несмотря на то что курды – мусульмане, в турецком политическом и общественном дискурсе они рассматриваются как орудие в руках внешних сил, желающих дестабилизировать и разделить страну.

В эскалации конфликтов в странах Черноморско-Каспийского региона традиционно значимую роль играет и религиозная составляющая. Она придавала особую остроту многолетнему конфликту между шиитским Ираном и суннитским Ираком, но даже сегодня мусульмане-сунниты, проживающие в Иране, по данным ООН, подвергаются различным формам дискриминации со стороны подавляющего большинства населения страны – мусульман-шиитов.

Несмотря на то что религиозное противостояние между шиитами и суннитами существует более тысячи лет, по мнению экспертов, данный конфликт представляет самую большую угрозу безопасности в регионе. В условиях жесткой геополитической борьбы за лидерство на

Ближнем Востоке религиозная ксенофобия представляет эффективный инструмент политической мобилизации социальных групп. Так, Иран является союзником президента Сирии Б. Асада, принадлежащего к одной из шиитских сект, в то время как суннитские страны Персидского залива, а также Турция поддерживают сирийских повстанцев, многие из которых являются суннитами. Тем самым политическое противостояние стран региона завуалировано религиозными мотивами.

С нашей точки зрения, религия выполняет сугубо инструментальную роль в дестабилизации ситуации в регионе. С её помощью в очередной раз конструируются границы между своими и чужими мирами, а различные политические силы используют религию для обоснования территориальных или иных притязаний, оправдания применяемых насильственных методов.

Подводя итог сказанному, можно прийти к некоторым выводам. В условиях современных геополитических трансформаций, связанных с перераспределением зон влияния в Черноморско-Каспийском регионе, ксенофобия различной этиологии становится эффективной политической технологией, используется различными силами для обеспечения влияния и лоббирования своих интересов как на глобальном, так и на региональном уровнях.

Литература

1. Fuller G.E. The Future of Political Islam. N.Y., 2003. 227 p.
2. Абашин С.Н. Исламофобия // Гуманитарная мысль Юга России. 2005. № 1. С. 20–26.
3. Байнев В.Ф., Винник В.Т. Система неокolonизации XXI века // Новая экономика. 2009. № 5. С. 3–11; Видоевич З. Глобализация, хаотизация и конфликты в современном мире // Социологические исследования. 2005. № 4. С. 25–32; Шевченко О.М. Американофобия в период глобальных трансформаций мирового развития // Этносоциум и межнациональная культура. 2013. № 8 (62). С. 162–180.
4. Вялых Н.А., Лубский А.В., Посухова О.Ю. Национальная интеграция и межэтнические отношения в США и ФРГ как предмет научных исследований в России // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 7. С. 8–17.
5. Дегтярев А.К. Управление миграционными потоками в США: политика снижения конфликтного потенциала //

References

1. Fuller G.E. The Future of Political Islam. N.Y., 2003. 227 p.
2. Abashin S.N. Islamofobiiia // Gumanitarnaia mysl' Iuga Rossii. 2005. № 1. S. 20–26.
3. Bainev V.F., Vinnik V.T. Sistema neokolonizatsii XXI veka // Novaia ekonomika. 2009. № 5. S. 3–11; Vidoevich Z. Globalizatsiia, khaotizatsiia i konflikty v sovremennom mire // Sotsiologicheskie issledovaniia. 2005. № 4. S. 25–32; Shevchenko O.M. Amerikanofobiiia v period global'nykh transformatsii mirovogo razvitiia // Etnosotsium i mezhnatsional'naia kul'tura. 2013. № 8 (62). S. 162–180.
4. Vialykh N.A., Lubskii A.V., Posukhova O.Iu. Natsional'naia integratsiia i mezhetnicheskie otnosheniia v SShA i FRG kak predmet nauchnykh issledovaniia v Rossii // Sotsial'no-gumanitarnye znaniia. 2015. № 7. S. 8–17.
5. Degtiarev A.K. Upravlenie migratsionnymi potokami v SShA: politika snizheniia konfliktogennogo potentsiala //

Вестник Адыгейского гос. ун-та. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. № 4.

6. *Добаев И.П.* Дискурсивные практики геополитической идентификации России в условиях глобализации и регионализации. URL: <http://www.geopolitika.ru> (дата обращения: 21.09.2015).

7. *Евсеев В., Зимин Ю.* Перспективы «Исламского государства» // *Обозреватель-Observer*. 2015. № 2. С. 43–56.

8. *Кудряшова Ю.С.* О росте значения курдского фактора в условиях меняющегося Ближнего Востока // *Ежегодник ИМИ*. 2014. Вып. 2(8). С. 94–105.

9. *Лубский А.В., Дегтярев А.К., Вялых Н.А.* Модели и практики национальной интеграции в США // *Социально-гуманитарные знания*. 2015. № 11.

10. *Пасандиде С.* Исламизация политики и политизация ислама // *Власть*. 2013. № 1. С. 117–119.

11. См.: *Померанц Г.* Кто такие чужаки? // *Психология национальной нетерпимости*. Минск, 1998.

12. *Фролова А.С., Посухова О.Ю., Сериков А.В.* Отражение ценностной политики в сфере межэтнических отношений в СМИ США // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2015. № 6.

13. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003. 603 с.

14. *Шевченко О.М.* Методология конструктивизма в социально-философском исследовании ксенофобии // *Теория и практика общественного развития*. 2013. № 11. С. 30–34.

Vestnik Adygeiskogo gos. un-ta. Regionovedenie: filosofiia, istoriia, sotsiologiia, iurisprudentsiia, politologiia, kul'turologiia. 2015. № 4.

6. *Dobaev I.P.* Diskursivnye praktiki geopoliticheskoi identifikatsii Rossii v usloviakh globalizatsii i regionalizatsii. URL: <http://www.geopolitika.ru> (data obrashcheniia: 21.09.2015).

7. *Evseev V., Zimin Iu.* Perspektivy «Islamskogo gosudarstva» // *Obozrevatel'-Observer*. 2015. № 2. S. 43–56.

8. *Kudriashova Iu.S.* O roste znacheniiia kurdskogo faktora v usloviakh meniaiushchego-sia Blizhnego Vostoka // *Ezhegodnik IMI*. 2014. Vyp. 2(8). S. 94–105.

9. *Lubskii A.V., Degtiarev A.K., Vialykh N.A.* Modeli i praktiki natsional'noi integratsii v SShA // *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia*. 2015. № 11.

10. *Pasandide S.* Islamizatsiia politiki i politizatsiia islama // *Vlast'*. 2013. № 1. S. 117–119.

11. Sm.: *Pomerants G.* Kto takie chuzhaki? // *Psikhologiia natsional'noi neterpimosti*. Minsk, 1998.

12. *Frolova A.S., Posukhova O.Iu., Serikov A.V.* Otrazhenie tsennostnoi politiki v sfere mezhetnicheskikh otnoshenii v SMI SShA // *Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl'*. 2015. № 6.

13. *Khantington S.* Stolknovenie tsivili-zatsii. M., 2003. 603 s.

14. *Shevchenko O.M.* Metodologiia konstruktivizma v sotsial'no-filosofskom issledovanii ksenofobii // *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*. 2013. № 11. S. 30–34.